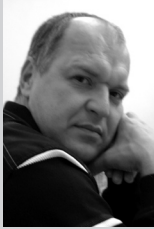


РОССИЯ И ЗАПАД ПОСЛЕ ГРУЗИНСКОЙ ВОЙНЫ

С.В. Мошкин



Мошкин
Сергей Вячеславович

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

Запад в России традиционно воспринимался весьма противоречиво: как фактор, способствующий модернизации, с одной стороны, и как источник военно-политической угрозы, с другой. Равно как противоречивым является и отношение Запада к России, которую там воспринимают то как загадочную полуазиатскую империю, то как своеобразную часть европейской цивилизации. Последнее чаще проявляется во время кризисов, таких как Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны, когда Россия входила в европейские коалиции, направленные против агрессора. Впрочем, установление в послевоенный период в странах Восточной Европы тоталитарных режимов по подобию сталинского вновь актуализировало «азиатский» стереотип.

В 1990-е годы восприятие Запада в России проделало значительную эволюцию – от идеалистических настроений начала десятилетия до травматического шока, вызванного войной в Югославии в 1999 году. Затем последовала эмоциональная солидарность с США и Западом в целом после трагедии 11 сентября, и новые проблемы и фобии – после войны в Ираке и «цветных» революций. События в Закавказье усилили многие из этих фобий, равно как и на Западе снова стали опасаться Россию, воспринимая ее как агрессора. Взаимное восприятие России и Запада оказывает серьезное влияние и на характер отношений между ними, часто осложняя взаимодействие между ними.

В ходе российско-грузинского конфликта выяснилось, что целый ряд составляющих этих отношений нуждаются в переоценке. В частности, конфликт вывел на поверхность все

негативные аспекты в российско-американских отношениях, резко обострил конкуренцию между Россией и США на постсоветском пространстве, привел к беспрецедентному за последние два десятилетия осложнению этих отношений. Вряд ли эти отношения серьезно улучшатся даже в случае прихода к власти в США кандидата-демократа.

В России существует примечательная особенность: когда у власти демократы, часть экспертов мечтают о республиканце, который не будет задавать неудобные вопросы о правах человека. И, напротив, нахождение республиканца в Белом доме вызывает ностальгию по демократам, которые якобы не будут проявлять излишней жесткости в кризисных ситуациях.

Такие представления существуют и сейчас, хотя они имеют мало общего с действительностью (вспомним хотя бы, что против Югославии воевал демократ Билл Клинтон). И дело здесь не в сенаторе Джозефе Байдене, стороннике жесткой линии в отношении России, которого Барак Обама сделал своим кандидатом в вице-президенты. У любого американского президента будет достаточно узкий коридор возможностей в отношениях с Россией, связанный с необходимостью российско-американского сотрудничества в афганской операции, нежеланием стимулировать рост цен на сырье (причем не только на нефть и на газ, но и на алюминий). В то же время в случае прихода к власти сам Барак Обама должен будет доказывать американскому обществу свой патриотизм и способность проводить эффективную внешнюю и военную политику (Джону Маккейну особо доказывать этого не надо).

Существует точка зрения, согласно которой более жесткий кандидат оказывается способным к стратегическим компромиссам – в связи с этим можно привести пример с Ричардом Никсоном, стоявшим у истоков политики разрядки. Другой иногда приводимый пример – Рональда Рейгана – является не столь убедительным, так как СССР в этот период был готов на широкомасштабные уступки в условиях

быстро ухудшавшейся экономической ситуации. Однако и в случае с избранием Джона Маккейна, разумеется, вряд ли можно рассчитывать на быстрые изменения к лучшему.

Показал свою полную неэффективность совет Россия-НАТО, который так и не собрался в критической ситуации. Неудивительно, что его деятельность приостановлена — есть основания полагать, что она в течение длительного времени будет находиться в «замороженном» состоянии. Не исключено, что в случае присоединения к Плану действий по присоединению к НАТО Украины и, возможно, Грузии в нынешнем декабре этот совет может и официально прекратить свое существование.

В то же время кризис выявил способность европейских стран к нормальному диалогу с Россией, отказу от экстремальных сценариев в отношениях с ней (типа введения экономических санкций). Разумеется, столь комфортных условий, которые были при Герхарде Шредере и Жаке Шираке, у России больше не будет — нынешняя генерация европейских лидеров настроена по отношению к ней куда более сдержано и ориентирована на конструктивные отношения к США при сохранении, разумеется, собственной идентичности. Рассчитывать на новый большой «раздражитель» в отношениях между США и рядом стран «старой Европы», подобного войне в Ираке, было бы неверно. Однако между Россией и ведущими европейскими государствами постоянно существует контакт, который был актуален и для кризисного периода (вспомним посредничество Николя Саркози). Такая позиция Европы, не желающей изоляции России, может быть связана как с ее зависимостью от российских энергоносителей, так и с нежеланием получить вблизи своих границ государство, находящееся в системном конфликте с ЕС.

Подобное развитие событий должно было бы внушать определенный оптимизм для перспектив отношений если не с Западом в целом, то с его «староевропейской» частью. Однако сейчас такой оптимизм носил бы явно преждевременный характер. Дело в уже упомянутом присоединении к натовскому Плану Украины

и Грузии, которое (по крайней мере, в отношении Украины) стало более вероятным, чем до начала военных действий. Для Европы отказ в этом вопросе означал бы не только конфликт с США, но и недопустимую, с точки зрения европейского истеблишмента, уступку России. При этом европейцы рассматривают присоединение к Плану как часть длительного пути этих стран в НАТО, тогда как в России полагают, что это решающий этап, после которого атлантическая интеграция Украины и Грузии примет необратимый характер. Поэтому в декабре нынешнего года можно ожидать нового всплеска противоречий между Россией и Европой, причем с более серьезными последствиями.

В то же время и Россия не намерена идти до конца, выстраивая новый «железный занавес» — в условиях глобального мира самоизолирующаяся страна, ориентированная на автаркию, обречена на роль аутсайдера, неспособного вписаться в международное разделение труда и увековечивающего свою зависимость от цен на энергоносители, которые не всегда могут быть высокими. В связи с этим вспомнить некоторые прогнозы начала 1980-х годов, которые гласили, что падения цен не будет еще в течение длительного времени (кстати, сейчас цены на нефть существенно снизились). Показательно, что, несмотря на явное разочарование российского руководства в «политизации» вступления в ВТО, оно не отказывается от него как от своего стратегического выбора. Неудивительно, что первый вице-премьер Игорь Шувалов заявил недавно «Ведомостям» о том, что «у нас во внутренней политике никаких тенденций к изоляции нет и не было. Более того, к таким тенденциям мы относимся с большим сожалением. Считаем, что это глупо и неоправданно».

Поэтому возникает необходимость выработки здорового рационального подхода к отношениям с Западом в условиях усиливающей международной конкуренции, лишенного как идеализма, так и изоляционистских настроений, основанного на прагматизме и балансе интересов, диверсификации подходов к различным партнерам России.